

24. Революционная личность и философия победы - К 150-летию со дня рождения Ленина

Ван Хуэй

«Современный Государь» и революционная личность

Вслед за распадом Советского Союза и социалистических государств Восточной Европы, по всему миру возникли различные социальные движения. Социализм 21 века в Латинской Америке, например, наряду с крестьянской вооруженной борьбой в Южной и Восточной Азии,¹ стремился сохранить революционное наследие 20 века. Однако в новых условиях перспективы таких движений остаются неясными. В развитых капиталистических обществах и так называемых странах с переходной экономикой ни одно из крупномасштабных движений социального протеста, таких как «Оккупай», или многочисленные рабочие движения, не смогли каким-либо коренным образом изменить возникшее с момента окончания Холодной Войны состояние «деполитизации». Социальное неравенство, финансовые кризисы, распространение эпидемий, экологические разрушения и политические кризисы, вызванные глобализацией, возникали снова и снова. Однако этим предвестникам катастроф - в которых явно видны «самые слабые звенья» глобального капитализма - пока не удалось активизировать какую-либо явную политическую силу, способную разрушить эти явления. Политический ландшафт современного мира, похоже, еще не вышел из тени поражения социалистических экспериментов XX века. Как утверждает Ален Бадью: «Второй [коммунистический] цикл окончен, и бессмысленно пытаться его восстановить.»²

Одновременно волна неолиберализма породила националистические и популистские тенденции. Самым шокирующим является то, что на фоне этих тенденций многие рабочие, потерявшие работу и средства социальной защиты, стали приверженцами политики правого крыла. Почему именно в тот момент, когда либералы осуждают рост популизма, левая политика потеряла поддержку рабочих «ржавых поясов» и впала в состояние полного бессилия? Почему бесчисленное

¹ В том числе в Непале и Индии.

² Бадью 2008: 29-46. Согласно Бадью, период от Октябрьской революции 1917 года до конца Великой Пролетарской Культурной Революции в 1976 году представляет собой «вторую последовательность» после Парижской Коммуны, в которой коммунистическая гипотеза претворялась в жизнь. Бадью утверждает, что основное содержание этой последовательности (Марксизм, рабочие движения, массовая демократия, Ленинизм, авангардная партия и социалистический государственный аппарат) перестало применяться.

количество движений сопротивления лишено какого-либо четкого политического потенциала или направления, а вместо этого они попадают в ловушки расизма, ксенофобии и политики идентичности? Помимо ухода авангардной партии и крупномасштабных классовых движений, наиболее легко идентифицируемыми причинами являются слабость руководства, отсутствие тактического и стратегического обсуждения теории левого толка и сокращение полемики о конкретных путях социальной трансформации. Именно на эти, три взаимосвязанных элемента - которые, по сути, составляют основное политическое наследие 20-го века - мы и обратим наше внимание в этой статье.

Итак, давайте начнем с вопроса о лидерстве. Как нам понять силу руководства революционных и реформистских движений? Грамши в своих «Тюремных тетрадах» утверждает, что «Государя» Макиавелли следует понимать, как «исторический пример [...] политической идеологии, выраженной не в форме холодной утопии или научного теоретизирования, а скорее в виде конкретной фантазии, которая действует на разобщенных и истощенных людей, пробуждая и организовывая их коллективную волю». Грамши считал, что «современный Государь, мифический Государь, не может быть реальным человеком, «конкретным индивидуумом», а скорее является «политической партией» - первой ячейкой, в которой собираются зародыши коллективной воли, стремящейся стать универсальной и всеобщей. В современном мире только те историко-политические действия, которые являются немедленными и неотвратимыми, требующими молниеносной скорости, могут быть мифически воплощены в конкретном человеке».³ Следуя этой логике, политическая партия — это душа современной политики. Однако верно и то, что из-за необходимых отношений между политической партией и государственной властью вся история политической партии сопровождалась «деградацией»,⁴ бюрократизацией и деполитизацией. Таким образом, в то время как организационная структура политической партии и ее положение в государственной системе сегодня столь же стабильны, как и прежде, политическая партия в

³ Грамши 1992: 129.

⁴ Именно в этом смысле я выдвинул тезис о «преждевременном конце политической партии» - что в период, когда класс и классовая политика сохраняется и расширяется, политическая партия пришла к преждевременному концу в результате ее деградации. (См. Ван Хуэй 2006 год: 687)

истинном смысле слова, уже пришла к преждевременному концу.

В то же время, как известно исследователям русской и китайской революций, в критические исторические моменты на крутых поворотах истории, лидеров, которые использовали для достижения своих целей методы, ставшие легендарными, нельзя приравнять к политической партии как таковой. Напротив, во многих исторических моментах Ленин, Мао и другие революционные лидеры оказывались в состоянии оппозиции к своей собственной партии и расходились с ее политическим направлением. Эти революционеры смогли занять руководящие должности в партии только в результате длительной, а временами ожесточенной политической и теоретической борьбы. Действительно, в случае с Лениным эта почти вечная борьба была отличительной чертой его лидерства, проявляющейся, например, в его настойчивом стремлении поддерживать внутрипартийную демократию даже в самых опасных и трудных условиях. Эта настойчивость была подкреплена теоретико-практическим убеждением Ленина в том, что отмена открытых и честных внутрипартийных дебатов, критики и самокритики, уничтожила бы жизненную силу партии, отказавшись от принципа демократического централизма. Как он ясно сформулировал в предисловии к «Что делать?» со ссылкой на письмо Фердинанда Лассалья Марксу от 24 июня 1852 г: “[...] Партийная борьба придает партии силу и жизненность, величайшим доказательством слабости партии является ее расплывчатость и притупление резко обозначенных границ, партия укрепляется тем, что очищает себя [...]”⁵ Об этой теоретической и политической борьбе свидетельствует длинный список внутрипартийных противников Ленина: Бернштейн, Плеханов, Потресов, Маслов, Зиновьев, Каутский, Люксембург, Троцкий, Бухарин, Сталин ... В том же духе Мао Цзэдун осмелился, даже к концу своей жизни, выступить против всей партийной системы, провозгласив, что он остается вместе с народом. Эта безоговорочная приверженность активному продвижению самообновления внутри политической партии и продолжающемуся восстановлению отношений между партией и народом стала возможной благодаря исключительной политической силе, проявленной обоими лидерами. Это и можно назвать *революционной личностью*. На практике три действующих лица - партия, народ и революционный лидер сосуществовали в напряженных

⁵ Ленин 1977а: 346. Ленин В. «Что делать?»

отношениях друг с другом. Революционную личность характеризует неустанная приверженность и поддержка в укреплении ключевых взаимосвязей внутри этого комплекса отношений, через политическую борьбу.

Несомненно, революционная личность в том виде, в каком она была воплощена Лениным, оказала глубокое влияние на долгую историю Китайской Революции. Теоретик марксизма Ли Дачжао, один из основателей Коммунистической Партии Китая, рассматривал Ленина и Сунь Ятсена как двух революционных лидеров Китайской Революции, приписывая им черты революционных личностей.

Поскольку Ленин знал о господине Сунь Ятсене, мы можем рассматривать их в сравнительном плане. Сунь Ятсен был потрясающей личностью. Будь то друг, последователь или враг, все признают его величие. Личность Ленина тоже была потрясающей. Будь то друг, последователь или враг, все признают его величие; в России есть те, кто против коммунистов и против коммунизма, но они очень уважают Ленина как личность. По своему революционному духу у этих двоих тоже много общего: когда Ленин сталкивался с неудачами, он не терял надежды и не впадал в уныние. То же самое и с Сунь Ятсеном. После того, как вторая революция потерпела поражение, и ему пришлось бежать в Токио, он сказал, что, все его подчиненные впали в отчаяние, и, тем не менее, он сам настаивал на том, что не следует унывать, что революция не потерпела неудачу, надо попробовать еще раз и добиться большего успеха! Таким образом, дух Ленина - это дух Сунь Ятсена, что является духом революционера! Мы тоже должны помнить об этом духе!"⁶

Ли Дачжао считал, что главной общностью между Лениным и Сунь Ятсеном была их революционная личность, сила, выходящая за рамки категории классовых интересов, так что они не только получили признание своих друзей и последователей, но также они заставили своих врагов признать их силу. Еще одна общая черта между ними: они были вечными революционерами, которые не боялись неудач. Это наблюдение соответствует точке зрения Лю Ксуня. 12 марта 1926 года Лю Ксунь опубликовал в "Citizen News" свой очерк «В Первую

⁶ Ли 1999: 641.

Годовщину Смерти г-на Сунь Ятсена», в котором он написал:

Я вспоминаю, что вскоре после смерти Сунь Ятсена в прошлом году появились некоторые собиратели грязи, которые высказывали насмешливые замечания в адрес Сунь Ятсена ... но, несмотря на такие насмешки, жизнь Сунь Ятсена, от начала до конца, была жизнью революции, даже перед лицом неудач, она оставалась революцией. После образования Китайской Республики он был недоволен и не почивал на лаврах, а продолжал работать над завершением революции. Даже накануне своей смерти он сказал: революция еще не достигла своей цели, все наши товарищи должны идти дальше! [...] Он был вечным, абсолютным революционером. Что бы он ни делал, все было ради революции. Как бы много людей после этого ни унижали его, ни пренебрегали им, все, что он делал, до самого конца, было ради революции.⁷

Короче говоря, они были погружены в революцию полностью. Что бы они ни делали - «все для революции». Это синоним взглядов Троцкого на революционное искусство и литературу, изложенные в *«Литературе и Революции»*, которые Лю Ксунь резюмировал следующим образом: «даже если революция не является предметом обсуждения, вы, тем не менее, должны принять то, что встроено в новые вещи, созданные революцией. Вы, должны принять сознание, внедренное в новые, созданные революцией, вещи, как отправную точку. В противном случае, даже если предметом обсуждения является революция, не может быть революционного искусства и литературы» (<https://www.marxists.org/russkij/trotsky/works/trotl449.html>). Таким образом, чтобы создать революционное искусство и литературу, необходимо, прежде всего, стать революционным человеком, чтобы организовать революцию, сначала нужно стать революционером. Сунь Ятсен, как и Ленин, был именно таким революционным человеком: «он до конца постоянно вел вперед новых революционеров и стремился к коллективному завершению революционной работы».⁸

⁷ Лю Ксунь 2005: 306.

⁸ Там же.

Определение “слабого звена”: “вторая натура” революционной личности

В эпоху Ленина, помимо выражения личной приверженности и индивидуального самосовершенствования, революционная личность также воплощала в себе способность уловить основное противоречие ситуации и броситься в пучину действия, и это мы можем назвать ее «второй натурой». Это требует, того, чтобы, кроме участия в реальных движениях, революционеры также включались в интенсивную теоретическую работу, дабы иметь возможность различать момент для действия в сложной и меняющейся реальности, убеждать и даже атаковать ошибочные позиции внутри своего же лагеря, и ясно воспринимать революционную стратегию и тактику. Троцкий писал: «...в *Искре*, как мне кажется, Ленин впервые высказал мысль, что в сложной цепи политических действий, нужно всегда искать центральное звено в настоящий момент, чтобы ухватиться за него и дать направление всей цепочке. И потом Ленин довольно часто возвращался к этой мысли, даже к тому же изображению цепи и кольца. Этот метод перешел из сферы сознательного как бы в его бессознательное состояние и окончательно стал его второй натурой».⁹ Обобщающий анализ ситуации и конкретное восприятие фактов Лениным в конечном итоге подчинялись тому, что он считал определяющим «звеном» данного момента до такой степени, что в конкретных действиях он часто откладывал в сторону любые вопросы, прямо или косвенно противоречащие основной задаче. «Этот «недостаток» был лишь обратной стороной его способности к величайшей внутренней мобилизации всех его сил, и именно эта способность сделала его величайшим революционером в истории».¹⁰

То, что Троцкий называл поиском центрального звена в данный момент в сложной цепи политических действий, чтобы дать направление всей цепочке, выделяет определенную способность Ленина оценивать всю эпоху. В своей статье «Под чужим флагом» в январе 1915 г. Ленин предложил методику выделения специфических черт эпохи:

«Бесспорно, мы живем на рубеже двух эпох, и происходящие перед нами величайшей важности исторические события могут быть поняты лишь при анализе, в первую голову, объективных

⁹ См. Троцкий 1925 год. Троцкий Л. «О Ленине» <https://www.marxists.org/russkij/trotsky/works/>

¹⁰ Там же.

условий перехода от одной эпохи к другой. Речь идет о больших исторических эпохах; в каждой эпохе бывают и будут отдельные, частичные движения то вперед, то назад, бывают и будут различные отклонения от среднего типа и от среднего темпа движений. Мы не можем знать, с какой быстротой и с каким успехом разовьются отдельные исторические движения данной эпохи. Но мы можем знать и мы знаем, *какой класс* стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление развития, главные особенности исторической обстановки данной эпохи и т. д. Только на этой базе, т. е. учитывая в первую голову основные черты различия разных “эпох” (а не отдельных эпизодов истории отдельных стран), можем мы правильно построить свою тактику; и только знание основных черт данной эпохи может послужить базой для учета более детальных особенностей той или иной страны.»¹¹.

Конечно, такое понимание эпохи требует точного знания национальной ситуации. В этом смысле «вторая натура» революционной личности - это не абстрактный интернационализм или чистый идеал, а скорее интернационализм, уходящий корнями в национальную жизнь. 23 апреля 1923 года Троцкий опубликовал в «Правде» статью, посвященную пятидесятилетию со дня рождения Ленина. В этой довольно короткой статье, озаглавленной «Национальное в Ленине», примечательно то, что ее основным содержанием является не интернационализм, а, скорее, «высокая степень» «национального» характера Ленина: «...сам Ленин глубоко национален. Он корнями уходит в новую русскую историю, собирает ее в себе, дает ей высшее выражение и именно таким путем достигает вершин интернационального действия и мирового влияния». Троцкий утверждает, что в дополнение к сонастроенности с материализмом, революционным лидерам требуется еще «... подспудная творческая сила, которую мы называем интуицией: способность на лету оценивать явления, отделять существенное и важное от шелухи и пустяков, заполнять воображением недостающие части картины, додумывать за других, и прежде всего за врагов, сочетать все это воедино и наносить удар одновременно с тем, как в голове складывается "формула" удара.

¹¹ Ленин 1974 год: 135-157. Ленин, полн. собр. соч. т. 26, стр. 133 «Под чужим флагом» <https://leninism.su/works/65-tom-26/2104-pod-chuzhim-flagom.html>

Это - интуиция действия. Одной стороной своей она сливается с тем, что по-русски зовется сметкой». Троцкий понимал, что подчеркивание этих «националистических» особенностей Ленина могло шокировать некоторых людей, и поэтому он далее объяснил: «Чтобы руководить таким небывалым в истории народов переворотом, какой переживает Россия, нужна, очевидно, неразрывная, органическая связь с основными силами народной жизни -- связь, идущая от глубочайших корней. [...] потому, что через Ленина социалистическая революция, давно имеющая свое интернациональное теоретическое выражение, нашла впервые свое национальное воплощение, Ленин стал, в самом прямом и самом непосредственном смысле, революционным руководителем мирового пролетариата.»¹²

Ленинская теория империализма была именно таким живым развитием его методологии познания эпохи. Его великий труд *«Империализм, как высшая стадия капитализма»* не касается Китая в сколько-нибудь значительной степени, но его теоретический анализ послужил предпосылкой для возобновления Китайской Революции. Если можно сказать, что неравномерность империалистической мировой системы привела к появлению ряда «самых слабых звеньев» внутри этой системы, то также и внутренние разломы, созданные ситуацией конкуренции между великими державами, создали серию «самых слабых звеньев» внутри самого Китая, тем самым создавая условия для национальной революции: «Великий, спекулятивный, неожиданный успех международного капитализма, еще не созревшего для международного сотрудничества, тем не менее, находится под давлением необходимости, и при данной необходимости группы капиталистов лгут, используя национальные чувства и политики для продвижения своих особых интересов.»¹³ Таким образом, в то время, когда они начали «совместную атаку Западных держав в Китае», их практика использования «опосредованной войны» (*proxy war*) для ведения взаимной борьбы и конкуренции внутри Китая, привела к гражданским войнам и разделу страны. Процесс, с помощью которого Франция, Россия, Германия, Великобритания, Япония, Соединенные Штаты и другие великие державы боролись за международное превосходство, продолжался одновременно с их разделом Китая. Эти два исторических процесса имели своей общей целью получение монопольного контроля над инвестициями и природными ресурсами в

¹² См. Троцкий 1925 год. <https://www.marxists.org/russkij/trotsky/works/trotm218.html>

¹³ Хобсон 2016 год: 309.

различных областях, посредством использования политической и военной оккупации, чтобы эти империалистические державы могли получать свои сверхприбыли. Таким образом, в эпоху империализма существует два типа «слабейшего звена». Ленин описал одно из них следующим образом: «Неравномерное экономическое и политическое развитие - это абсолютный закон капитализма. Следовательно, победа социализма возможна сначала в нескольких или даже только в одной капиталистической стране».¹⁴ Другой тип, состоит из трещин и разломов, созданных ситуацией неравномерного экономического и политического развития внутри страны, а также противоречий между агентами империализма среди угнетенных людей. Это последнее «самое слабое звено» обеспечивало условия для выживания и развития сил Китайской Революции на обширных просторах сельской местности, а также в приграничных регионах между провинциями и в периферийных районах.

«Самое слабое звено» не только отмечает слабые места в правящем порядке, но также указывает на возможность разрушения этой системы. Таким образом, «самое слабое звено» не может существовать само по себе, а опирается на формирование революционной силы. Революционные силы двадцатого века не существовали изолированно в пределах одного государства или территории, но были национальными, классовыми, формациями и территориальными движениями, которые имели глубокие международные связи друг с другом. Другими словами, без революционных сил и революционной теории, стремящейся порвать с правящим порядком, «самые слабые звенья» просто не смогли бы существовать. Трудно сформировать революционную стратегию и тактику, не имея способности концептуализировать вместе «самые слабые звенья» капиталистической мировой системы и «самые слабые звенья» национальной государственной власти. Что касается революционной ситуации, если империализм воспринимается исключительно как экономический феномен, а не как укорененный в ситуации политической и военной конкуренции, которая возникает из экономических требований, и если кто-то не понимает того, что между старой колониальной политикой и новым империализмом нет четко очерченной границы, тогда, как следствие, невозможно сформировать конкретную стратегию и тактику противодействия империализму. В этом смысле без революционной стратегии и тактики самое слабое

¹⁴ Ленин 1974: 339-43. Ленин, полн. собр. соч. том 27, «Империализм, как высшая стадия капитализма» <https://leninism.su/works/66-tom-27/2080-imperializm-kak-vyshhaya-stadiya-kapitalizma.html>

звено не может стать «самым слабым звеном» в полном смысле этого слова.

Таким образом, способность понять, кто действительно составляет революционные силы, или определять отправную точку для развития революционных сил, создает предпосылку для возможности выявить «самое слабое звено».

Сегодня мы хорошо знакомы с ленинским анализом Восточного Вопроса и Китайской Революции в период примерно с Русской Революции 1905 года до Синьхайской Революции 1911 года. Посредством своей теории империализма и защиты национального самоопределения в период до и после начала Первой Мировой Войны, а также своей оценки «развитой Азии, отсталой Европы», Ленин интегрировал восточный вопрос - от балканского кризиса к китайской революции - в свой анализ новейшего этапа международного капитализма. В своей знаменитой работе «О праве наций на самоопределение» Ленин писал: «В Восточной Европе и в Азии эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905 году. Революции в России, Персии, Турции, Китае, войны на Балканах — вот цепь мировых событий *нашей* эпохи нашего «Востока»».¹⁵

На самом деле позиция Русской Революции по национальному вопросу была тесно связана с процессом «Пробуждения Азии». Тем не менее, до Северного Похода,¹⁶ за исключением небольшого меньшинства (например, представителя Коминтерна и основателя Коммунистической Партии Китая и Коммунистической Партии Индонезии, голландца Ганса Сневлита) на разных уровнях руководства было очень мало людей, стремившихся более тесно связать Китайскую и Российскую революции. Они вполне могли согласиться с Ленинским взглядом на неравномерность и самое слабое звено в эпоху империализма, но они еще не интегрировали эту теорию в поиск революционной силы в Китае. Коминтерновский революционер М. Рой выступал против ленинской стратегии единого фронта, утверждая, что Сунь Ятсен был интриганом и реакционером.¹⁷ Затем на съезде трудящихся Дальнего Востока (состоявшемся в Москве в январе 1922 года) Зиновьев выразил недовольство тем, что Сунь Ятсен ищет

¹⁵ Ленин 1977b: 406. Ленин, полн. собр. соч. том 25, стр. 256 «О праве наций на самоопределение» <https://leninism.su/works/63-tom-25/2188-o-prave-naczij-na-samooopredelenie.html>

¹⁶ Северный Поход был начат Национально-Революционной Армией в 1926 году для борьбы с Северной военной кликой на основе союза между коммунистами и Гоминьданом при поддержке Советского Союза. Это привело к созданию правительства Гоминьдана в Китае в 1928 году после изгнания коммунистов Гоминьданом в 1927 году.

¹⁷ Бержер 1998г.

поддержки в США, и резко критиковал буржуазную ориентацию Китайской Националистической Партии. Даже Троцкий начал интересоваться Китайской Революцией только в 1920-х годах, особенно после начала восстания шанхайских рабочих.

Однако оценка Ленина была совершенно иной. В 1925 году Карл Радек, бывший тогда президентом Московского Университета трудящихся Китая имени Сунь Ятсена, опубликовал в «Правде» статью, посвященную смерти Сунь Ятсена, в которой уделил особое внимание следующему: «Однажды в 1916 году в разгар Первой Мировой Войны несколько большевиков собрались в Берне, чтобы обсудить проблемы самоопределения наций. Ленин, который был на конференции, внезапно сделал предложение большевикам объединиться с Китайской Революцией в будущем. Его предложение в то время казалось несбыточной мечтой идиота! Только представьте, русский пролетариат присоединится к миллионам китайцев для борьбы! Среди присутствовавших на встрече были пять или шесть большевиков, которые воображали, что если бы они прожили достаточно долго, они увидели бы, как эта мечта материализуется»¹⁸ По указанию Ленина с ноября 1922 г. по февраль 1923 г. Четвертый конгресс Коминтерна принял «Тезисы по Восточному Вопросу» и, проанализировав естественные ошибки Коммунистической Партии Китая, выступил за сотрудничество между коммунистами и националистами и за формирование единого фронта.¹⁹ В январе 1923 года представитель Советского правительства Адольф Иоффе провел переговоры с Сунь Ятсеном в Шанхае, в результате чего была принята Совместная декларация Сун-Иоффе. Она была написана исходя из предпосылки признания точки зрения Сунь Ятсена о том, что в то время коммунизм и советская государственная система являлись неприменимыми к Китаю. Декларация официально положила начало первому периоду сотрудничества между коммунистами и националистами, а, также, националистской политике для союза с Советской Россией, сотрудничеству с коммунистами в поддержке рабочих и крестьян. На основе своего понимания совокупности и специфики империалистической эпохи и своего конкретного понимания различных социальных условий Ленин, преодолел явные расхождения между идеологией Сунь Ятсена и Китайской Революцией, с одной стороны, и коммунистическим движением с другой стороны, и заметил потенциал

¹⁸ Шенг 1971г: 15.

¹⁹ Там же: 10.

китайской революции и ее сходство с русской революцией.

Этот момент глубоко повлиял на Ли Дачжао и первое поколение китайских коммунистов, чьи представления о мире и интернационализме также глубоко укоренились в национальной жизни. В своем вышеупомянутом выступлении на собрании, посвященном второй годовщине смерти Ленина, Ли Дачжао предложил точку зрения, которая показала бы непостижимой «чистому» марксисту или коммунисту:

Ленинизм — это теория и стратегия пролетарской революции в империалистическую эпоху. Идеология Сунь Ятсена — это теория и стратегия революции угнетенных народов в эпоху империализма. С теоретической точки зрения идеологии Сунь Ятсена и ленинизма могут быть связаны и объединены друг с другом, также со стратегической точки зрения они совместимы друг с другом. Следовательно, можно сказать, что ленинцы являются именно последователями идеологии Сунь Ятсена; а последователи идеологии Сунь Ятсена в свою очередь ленинцы! Их идеологии являются революционными идеологиями ... их идеи и выдающиеся личности не имеют различий.²⁰

Как убежденный коммунист, который в тот момент китайской истории, также был теоретически наиболее продвинутым в марксизме, Ли Дачжао утверждал, что «если бы Сунь Ятсен родился в России, он, безусловно, был бы Лениным; если бы Ленин родился в Китае, он точно был бы Сунь Ятсеном! Их идеологии могут казаться отличными друг от друга на поверхности, но на самом деле все дело в различии среды. Сунь Ятсен и Ленин преследуют одну и ту же цель. Но, увы, окружение Сунь Ятсена не позволило ему добиться успеха так же, как и Ленину!». ²¹ Ли Дачжао не стремился устранить или стереть различия между революциями под предводительством Ленина и Сунь Ятсена, а скорее обнаружил точки пересечения и общности среди структуры различий и даже оппозиций. Он сделал это в рамках политической логики, состоящей из интерактивных отношений между глобальной ситуацией и условиями в каждой стране. В результате, благодаря процессу признания общего врага, он смог расширить категорию

²⁰ Ли 1999г: 641.

²¹ Ли 1999г: 641.

друзей и врагов и, таким образом, образовать широкий фронт.

Мао и Ленин, или Народная война и Коронавирус

28 апреля 1927 года, через две недели после того, как Чан Кай-Ши совершил 12 апреля переворот в Шанхае, Ли Дачжао был убит в Пекине Фэнтяньской кликой. Пять месяцев спустя восстание «Осеннего Урожая», возглавляемое Мао Цзэдуном, также было подавлено, что побудило его отступить в горы Цзингангшань в Цзянси и создать первую революционную базу и советское правительство Китая. Под руководством ленинской теории «самого слабого звена» начался новый этап Китайской Революции. В отличие от основного внимания Ленина на теоретизацию неравномерности между государствами в империалистической мировой-системе, Мао Цзэдун сосредоточил внимание на способах выражения этой неравномерной системы в рамках одного государства. Его анализ начался с уникального характера Китая: «Долгосрочное выживание внутри страны, одной или нескольких небольших территорий, находящихся под политической властью красных, полностью окруженных белым режимом, - это явление, которое никогда не происходило в мире. У этого необычного явления есть особые причины. Оно может существовать и развиваться только при определенных условиях».²²

Эта уникальность была исследована посредством систематического анализа. Во-первых, имел значение косвенный или не прямой характер империалистического правления в Китае, из-за которого возникали постоянные войны и разногласия между различными белыми правительствами.²³ Именно в этом отношении Китай уникально отличался как от внутреннего государственного устройства империалистических стран, так и от положения в тех колониях, которыми империализм управлял непосредственно. С одной стороны он являлся единым государством, которое, с другой стороны, в то же время, заключало в себе элементы неравномерного развития. Во-вторых, условия функционирования красной политической власти не просто состояли в существовании обширного обедневшего крестьянства, как одной из форм стадии совместного развития капиталистических и некапиталистических способов производства. Еще важнее было то, что в некоторых местах существовал

²² Мао 1965: 64.

²³ Там же.

революционный и мобилизационный опыт.²⁴ В-третьих, долгосрочное выживание этих маленьких красных территорий определялось наличием или отсутствием развития общенациональной революционной ситуации.²⁵ В-четвертых, если бы не существовало «регулярной Красной армии с достаточной силой», а были бы только местные красногвардейцы, то было бы невозможно создать ситуацию, при которой можно было установить независимый политический режим, особенно в долгосрочной перспективе.²⁶ Наконец, если бы не было мощной революционной организации или если, несмотря на существование такой организации, ее политика была бы полностью неправильной, тогда политическая власть красных была бы невозможной.²⁷ На самом деле, хотя анализ Мао Цзэдуна не был понят высшими лидерами Коммунистической Партии Китая в то время, его работы, тем не менее, предлагали стратегию и тактику реальной борьбы, и он также использовал форму теоретического анализа для ведения борьбы и проведения дискуссий с другими должностными лицами внутри партии.

Стратегия и тактика Мао напрямую вытекали из ленинского теоретического анализа империалистической эпохи. Заголовок «Одна искра может разжечь пожар в степи» напоминает название ленинской газеты «Искра». На обширных просторах китайской деревни Народная Война заключалась именно в создании беспрецедентной революционной силы, основанной на крестьянстве, посредством практики вооруженной борьбы, земельной реформы и объединения вооруженной борьбы, социальной реформы, единого фронта и строительства партии и политической власти. Народная Война обозначает не чисто военное понятие, а скорее политическую категорию. В уникальных условиях Китая двадцатого века Народная Война возникла как процесс создания политического субъекта нового типа, а также как процесс создания политических структур и форм самовыражения, адекватных этому политическому субъекту. В ходе Народной Войны репрезентативные отношения современной политической партии коренным образом изменились. Рождение политического субъекта, основанного на крестьянстве в качестве основного компонента и с союзом рабочих и крестьян в качестве его

²⁴ Там же: 65.

²⁵ Там же: 66.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же: 66-7.

внешней политической формы, привело к формированию или трансформации всех политических форм, включая правительство приграничных регионов, политическую партию, крестьянскую ассоциацию, профсоюз и так далее. Общие принципы Народной Войны включают следующие: во-первых, только опираясь на массы и мобилизуя их, можно вести войну; во-вторых, необходима не только большая обычная армия, но и местные вооруженные отряды и ополчение; в-третьих, категория ополчения связана с политическим процессом, который сосредоточен на земельной реформе и построении политической власти, что имеет тесную связь с военной борьбой.

В процессе борьбы с новым коронавирусом Коммунистическая Партия Китая сделала ряд захватывающих обращений к этой традиции, представив борьбу с вирусом как «Народную Войну, Тотальную Войну, Превентивную Войну». Война указывает на цель борьбы, тогда как Народная Война и Тотальная Война указывают на характер борьбы. Эта Народная Война воплощается в массовых формах контроля и профилактики, которые вертикально связывают общину, семью, рабочие отряды и отдельных лиц с различными уровнями управления. Тотальная Война выражает то, что эта борьба является тотальной мобилизацией государственной системы и государственного потенциала. С другой стороны, Народная Война двадцатого века была фундаментальным методом преодоления тотальных войн империалистических государств, и поэтому Народная Война, и Тотальная Война, по сути, являются взаимоисключающими категориями. Однако в 21 веке, когда эпидемия требует всеобщей мобилизации государства, партия неоднократно обращалась к модели Народной Войны, чтобы создать новую модель как вертикальной, так и горизонтальной социальной мобилизации.²⁸ Многие комментаторы на Западе приписали процесс борьбы Китая с эпидемией «авторитаризму» и оказались неспособны увидеть возможности «Народной Войны» в рамках национальной мобилизации, а также не смогли понять сложные отношения между Народной Войной и Тотальной Войной. В условиях

²⁸ На первом этапе борьбы с эпидемией, провинции со всего Китая направили в Ухань более 40 000 медицинского персонала, каждый из тринадцати городов провинции Цзянсу направил медицинскую бригаду в город Сяогань в провинции Хубэй, а также улицы, жилые комплексы, деревни и школы, фабрики и различные коммерческие организации были преобразованы в основные подразделения для борьбы с эпидемией. Более того, в сельской местности основная сила существующих структур социальной организации совместно с органами государственной администрации, отправляя кадры в деревни и поселки, смогли принять ряд превентивных мер, которые позволили сдерживать распространение вируса. В любом случае, в отсутствие вакцины против Коронавируса, проблемы мобилизации и организации являются ключом к пониманию того, как Китай смог одержать победу на ранних этапах противоэпидемической борьбы.

чрезвычайной ситуации, могут ли эти возрождающиеся способности Народной Войны стать чем-то большим, чем простыми методами государственной мобилизации, возрождая активную роль людей, и еще раз доказывая убедительное единство народа и «современного Государя»? Могут ли эти возможности в современных условиях (экономических, технологических, коммуникационных) преодолеть разрыв старых политических и социальных форм и стать движущей силой для появления новых? В тот момент, когда средства массовой информации и интеллектуальная элита спешно обсуждают, как коронавирус изменит мировой порядок, необходимо переформулировать следующий исторический опыт: новый порядок не может возникнуть без новой политики. Таким образом, остается вопрос: *что делать?*

Вечный революционер и “философия победы”

Повторяя то, что было сказано в начале текста, современный мир, похоже, еще находится в тени поражения социалистических экспериментов 20-го века. В общем, каждая неудача и каждая потеря надежды сопровождаются тревогой и меланхолией. Когда историки, философы и другие наблюдатели используют поражение в качестве отправной точки, чтобы оглянуться назад на двадцатый век, не следует ли нам также попытаться задуматься о тех новых представлениях о поражении и победе, которые возникли, развились и трансформировались в тандеме с осознанием этого века? У самого Ленина была немалая доля горьких неудач и поражений как до, так и после революции 1917 года - именно этот опыт сформировал его как революционного активиста и из него-то и появилась его тактическая гибкость: “Если из многочисленных стратегических уроков Ленина мы хотим вспомнить что-то с особенной ясностью, пусть это будет то, что он называет политикой великих перемен: сегодня на баррикадах, завтра в кресле Третьей Думы, сегодня призыв к мировой революции, к международной Октябрьской революции, а завтра переговоры с Кильманном и Черниным о подписании позорного мира Брест-Литовска. [...] И когда звук бури доносится сюда с запада и повторится, то что бы ни тяготило нас, бухгалтерию, расчеты и НЭП, мы ответим без колебаний и без промедления: мы революционеры с головы до ног, мы были такими, мы остаемся такими, мы останемся

такими до конца.²⁹

Точно так же Китайская Революция вызвала множество размышлений по вопросу о поражении и победе. Эти размышления возникли из внутреннего хода революции, чтобы переопределить содержание самой революции. «Литература безнадежного сопротивления» Лю и формулировки Мао Цзэдуна «от победы к победе» и «философия победы» представляют собой два примера литературных и философских формулировок, касающихся надежды и безнадежности, поражения и победы, и они тоже отмечают типы личности двух революционеров и их соответствующие «политические философии». На мой взгляд, «философия победы» — это серия исторических размышлений, рожденных в результате полного погружения в коллективную борьбу. Следовательно, это стратегическое отражение революционного субъекта, в котором жертвы и трагедия рассматриваются под эгидой программы действий, ориентированной на победу. Он полностью отвергает те элементы изоляции, бессмысленности и чувства непреодолимого истощения, которые были присущи интеллектуальной и литературной сферам вовремя и после движения Четвертого Мая.³⁰ «Философия победы» уходит корнями в жестокую и трагическую историю коллективной борьбы, но она также воплощена в стратегическом рассмотрении поиска победы в контексте поражения. Неудача - не только мать успеха, но и логическая отправная точка «философии победы». Начать с поражения означает попытаться еще раз выявить «самое слабое звено» в сложной ситуации и разработать стратегию и тактику, с помощью которых можно победить врага и одержать победу, и тем самым восстановить отношения между собой и окружающим противником — это как часть процесса создания новой конъюнктуры сил. Фактически, этот процесс представляет собой процесс восстановления себя, то есть субъекта.

Тексты Мао Цзэдуна «Почему в Китае может существовать красная политическая пласть?» (5 октября 1928 г.), «Борьба в горах Чингкан» (25 ноября 1928 г.), «Одна искра может разжечь пожар в степи» (5

²⁹ См Троцкий 1925г.

³⁰ Антимперское и культурное движение, возглавляемое интеллектуалами и студентами, названное в честь массовой демонстрации в Пекине 4 мая 1919 года, протестовавшей против решения Версальской Мирной Конференции, согласно которой бывшие немецкие концессии в провинции Шаньдун были переданы Японии. Движение Четвертого Мая состояло из двух движений: нового культурного движения, отмеченного публикацией в 1915 году журнала «Молодежь» (позже переименованного в «Новую Молодежь»), который продвигал культурное просвещение, новую литературу и народное движение; и студенческое движение 4 мая 1919 г., которое ознаменовало начало новой демократической революции в Китае и дало толчок созданию Коммунистической Партии Китая (КПК).

января 1930 г.) и другие тексты означают именно это проявление «философии победы». Для последующих литературных авторов, описывающих перипетии и трудности революционного процесса, эта философия обеспечила жизненный путь оптимизма, выраженного формулировками «от победы к победе», а также «светлое будущее, извилистый путь». В августе 1949 года, накануне основания Народной Республики, Мао, оглянувшись на историю Китая с 1840-х годов, заявил в манере, не допускающей никаких разногласий: «Как отличается логика империалистов от логики народа! Создавайте проблемы, терпите неудачу, снова создавайте проблемы, снова терпите неудачу [•••] пока не умрете - такова логика империалистов и всех реакционеров во всем мире в борьбе с делом народа [•••] Сражайтесь, терпите поражение, снова сражайтесь, снова терпите поражение, снова сражайтесь [•••] пока не победите - это логика народа, и он тоже никогда не пойдет против этой логики.»³¹ Этот процесс борьбы, поражения и в, конце концов, победы - это не только логика народа, но и процесс создания народа как революционного субъекта. Например, борьба за сопротивление после Опиумной войны не могла быть завершена одной группой людей, поскольку между последовательными субъектами сопротивления существуют важные различия. Тем не менее, логика борьбы-поражения-борьбы формирует эти различные группы в «народ», сила и зрелость которого растет с каждым днем и который шагает от поражения и борьбы к победе. Таким образом, «философия победы» имеет, как направляющую ориентацию, осуществление целей народа с учетом его воли.

Другими словами, истинным стандартом для оценки поражения является не поражение само по себе, а, скорее, способность логики борьбы сохраняться и созреть. Лю Синь определил Сунь Ятсена как «вечного революционера» - революционера, постоянно проходящего через поражения, тогда как «победа» никогда не является окончательной, а скорее рождается в процессе отступления, разрушения и продолжающейся борьбы...³²

31 Мао 1961г: 428.

32 Лю Синь 2005г: 306.

Причина этого оптимизма в «философии победы» состоит в том, что она от начала до конца объединена с пониманием диалектики препятствий, а также со стратегической практикой, которая,

собственно, и происходит из этого понимания. Победа — это не абстрактное будущее, она не находится в абстрактной утопии, а скорее заключается именно в конкретной практике и в диалектическом анализе баланса сил между нами и врагом. Следовательно, хотя «философия победы» — это философия действия, она не предполагает верховенства воли. Напротив, она размещает волю к победе и анализ ситуации внутри антагонизма и преобразования противоречий, тем самым активно вмешиваясь в эти самые процессы...

«Литература сопротивления безнадежности» Лю Синя отвергает мировоззрение оптимизма, но не выступает против коллективной борьбы. Она не размещает надежду внутри субъекта, но ищет путь в будущее, раздвигая границы мира. «Литература сопротивления безнадежности» явно отличается от любой «литературы оптимизма», но в ней есть определенные точки соприкосновения с «философией победы». «Философия победы» в Китайской Революции сначала зародилась среди потоков крови и горечи, в результате анализа ситуации поражения, которая была крайне разочаровывающей для революционных сил. Деревни (не города) и окраины (не центр) стали местом развития революционной стратегии, но разграничение этого нового пространства возникло именно из-за ситуации поражения и большого разрыва между «нашими» силами и силами врага. Логика победы заключается в постоянных действиях, исследованиях и борьбе и именно поэтому радикально отличается от слепого оптимизма или метафизической надежды. Вырождение «философии победы», то есть преобразование «философии победы» в различные формы «литературы оптимизма», происходит именно из-за отказа от анализа крайне невыгодной ситуации поражения и, как следствие, отказа от действительно стратегических и конкретных тактических размышлений. Как только этот процесс размышлений будет отвергнут, действие, по всей вероятности, потеряет свое направление, и появится надежда на неизбежность победы или абстрактное будущее.

В заключение, революционная личность представляет собой олицетворение «сопротивления безнадежности» и «пути к победе». В этом отношении настоящие революционные личности близки к тому, чтобы стать «мифическими персонажами», и отмеченные этим клеймом они и попадали в реальный мир. Тем не менее, если вы позволите мне еще раз позаимствовать язык Грамши, наиболее полный способ выражения «мифа» - это не политическая партия, которая формирует коллективную волю, или лидер такой партии, а скорее тот, кто

продвигает реальные формы действий организованной силы и показывает, что коллективная воля уже работает эффективно. Такая личность, которая может проявиться только через действие, способна вдохновлять людей не то, чтобы упорно и бескомпромиссно прокладывать себе путь в будущее, даже в ситуации безнадежности, и тем самым способствовать политической зрелости движения. «*Что делать?*» Ленина является точным выражением парадигмы «философии победы». В неблагоприятных условиях мы должны внимательно анализировать особенности эпохи, искать связь между нашими ближайшими задачами и фундаментальными целями, а также через теоретические исследования и тактическую борьбу, взаимное объединение их политических, экономических и практических аспектов. Необходимо диалектически объединить задачи текущего периода и конечную цель в конкретных рамках, охватывающих теорию, стратегию и действия.

В эпоху послереволюционных и пост-политических партий, цель повторной постановки вопроса о революционной личности, как одного из политических наследий двадцатого века состоит не в том, чтобы защищать поклонение или деяния человека, но, чтобы обеспечить вдохновение и поддержку для политического обновления. В эпоху, когда политическая система, основанная на политической партии, впала во всеобщий кризис, как на международном, так и на национальном уровне, несомненно, откровение, которое может предложить нам это великое наследие, заключается в том, как мы можем - на основе уже существующих элементов и с учетом новых условий - постоянно ставить вопрос «что делать», и тем самым заставлять себя открывать возможности для радикально новой политической, экономической и социальной организации.

Перевод с оригинального мандаринского китайского Бена Киндлера

Библиография

Ссылки на приведенные цитаты из русскоязычных источников приведены в подстрочных сносках.

Badiou, Alain (2008), "The Communist Hypothesis," *New Left Review*, 49, 29-46.

Bergere, Marie-Claire (1998), *Sun Yat-sen*. Stanford: Stanford University

Press.

Gramsci, Antonio (1992), *Selections from The Prison Notebooks of Antonio Gramsci*. New York: International Publishers.

Hobson, John Atkinson (2016), *Imperialism: A Study*. New York: Routledge.

Lenin, V.L (1977a), *Collected Works Vol. 5*. Moscow: Progress Publishers.

Lenin, V.L (1977b), *Collected Works Vol. 20*. Moscow: Progress Publishers.

Lenin, V.L (1974), *Collected Works Vol. 21*. Moscow: Progress Publishers.

Li Dazhao 1999 [1926], “Zai liening shishi er zhounian jinian dahui shang de yanshuo” [Talk at a meeting commemorating the second anniversary of Lenin’s death]. In *Li Dazhao quanji di si juan* (Collected works of Li Dazhao volume four), 640-42. Shijiazhuang: Hebei jiaoyu chubanshe.

Lu Xun 三·一 2005 [1926], “Zhongshan xiansheng shishi hou yi zhounian” [On the first anniversary of Mr. Sun Zhong-shan’s death]. In *Lu Xun quanji di qi juan* (Collected works of Lu Xun volume seven), 305-307. Beijing: Renmin wenxue chubanshe.

Mao, Zedong (1965), *Selected Works of Mao Zedong, Vol. 1*. Peking: Foreign Languages Press.

- Mao, Zedong (1961), *Selected Works of Mao Zedong, Vol. 4*. Peking: Foreign Languages Press.
- Sheng, Yueh (1971), *Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese Revolution: A Personal Account*. Kansas: University of Kansas Center for East Asian Studies.
- Trotsky, Leon (1925), "Lenin," *Marxist Internet Archive*. Accessed on 01.07.2020, at <https://www.marxists.org/archive/trotsky/1925/lenin/index.htm>.
- Wang Hui (2006), "Depoliticized Politics, Multiple Components of Hegemony, and the Eclipse of the Sixties," *Inter-Asia Cultural Studies*, 7.4.